

Разве для молодого, красивого и романтического человека брак не стоит того, чтобы о нем мечтать? Но какое мне до этого дело? Кажется, я немного опьянел: мое настроение беспричинно омрачилось, хотя на глаза не просились слезы. Когда вечеру подошел конец, мы с А Вэнем плечом к плечу вышли из учебного корпуса. В ночном воздухе разливался особый, весенний аромат. Снова это западающее в душу дыхание весны, чей след словно можно отыскать в памяти. В какое же время и в каком месте я впервые вдохнул этот запах и полюбил его? А Вэнь же принялся безостановочно чихать. В его голосе послышались нотки, свойственные человеку с тяжелой простудой. Он спросил, почему я все время молчу. Я ответил, что обдумываю одну задачку. Он поинтересовался, какую именно. Я сказал, что речь идет о задачке с разбиванием яиц, и пересказал ему историю о Стране Лилипутов. Он улыбнулся, и в лунном свете блеснули два ряда ровных белых зубов. Я вдруг вспомнил ту ночь у храма Волежащего Будды. Воздух тогда, казалось, был пропитан точно таким же ароматом. А Вэнь все еще улыбался. Он шагал неторопливой походкой, и полы его рубашки громко шуршали от ночного ветра. Я проводил его до дверей общежития. Мы попрощались прямо перед входом. Сонно моргая, он предложил отвезти меня домой на машине, но я поспешно отказался, резко отвернулся и зашагал прочь, начиная свой долгий пеший путь. До дома было не меньше получаса ходьбы. Я в одиночестве вышел на асфальтированную дорогу; возможно, из-за позднего часа на ней не было ни одной машины, а в придорожных кустах громко стрекотали сверчки. Их мир кипел жизнью. Фонарей не было, и лишь благодаря сиявшей на небе круглой луне дорога четко вилась передо мной. Пройдя минут двадцать, я вдруг заметил два луча фар: в непроглядной ночи этот свет казался особенно ослепительным. Фары приближались, и я уже отчетливо слышал рев автомобильного мотора. Подъехав ко мне, машина заметно сбавила скорость и остановилась в пяти-шести метрах впереди. На крыше авто внезапно замигали ослепительные неоновые огни. Оказалось, это полицейская машина, и динамик в салоне разразился оглушительным ревом. Однако я вовсе не разобрал слов. В одно мгновение романтика раннего летнего вечера испарилась, в груди поднялся страх, и я невольно замер на месте. Требования повторились несколько раз, и наконец я расслышал: мне приказывали лечь на землю, заложив руки за голову. Я запаниковал еще сильнее, думая, не броситься ли мне немедленно бежать в кусты. Но ноги уже слегка дрожали, и побег уж точно не вышел бы стремительным. Напротив, согнуть колени, пасть ничком и завести руки за голову — это казалось куда более логичным порядком действий. И я рухнул на землю. Совсем как в старых голливудских фильмах. Мой нос уперся в опавший листок, лежавший на дороге. На нем скопилось немного росы, ледяной и колкой. Эта холодная роса вернула мне ясность мысли. Я же не преступник, с какой стати мне убегать? Но за что полиция решила меня остановить? Неужели... неужели им стало известно, что я подрабатывал в Чайна-тауне? Но ведь прошло уже несколько месяцев, неужели они решили свести счеты задним числом? Впрочем, и пусть бы сводили. Депортируют на родину? Если за их счет, то почему бы и нет. В таком лежащем положении прошло, казалось, целое столетие. Наконец я услышал стук кожаных сапог о дорожное покрытие. Кроме того, до меня донесся легкий запах одеколона. Я подумал, что в мой затылок наверняка уставлен пистолет, и по спине пробежал холодок. Офицер приказал мне медленно подниматься с земли, не убирая рук с затылка. Охваченный смертным ужасом, я неуклюже поднялся. Наконец я увидел того полицейского. Лицо его было столь же молодым, как и голос. Невысокого роста, ладно скроенный, но ни капли не полный. Губы плотно сжаты, в руке и впрямь зажат пистолет, нацеленный прямо на меня. Без фуражки, короткие волосы в беспорядке отражали лунный свет. Черная полицейская форма отлично маскировала его в ночной темноте, и лишь широкая портупея на талии да металлический значок на левой груди поблескивали в лучах луны. Брюки плотно обтягивали его ноги, создавая в нижней части живота едва заметные складки. Когда он делал шаг, эти складки колыхались вверх-вниз, напоминая рябь от лунного света на глади озера.

Он щелкнул выключателем фонарика, зажатого в другой руке. Свет резал глаза, я прищурился, но руки продолжал послушно держать за головой. На мне была лишь неширокая рубашка да облегающие джинсы. Подумалось, ему нетрудно заметить, что никакого оружия при мне не спрятано. Тогда он погас, напряжение в его взгляде спало, однако пистолет он так и не убрал. Мне пришлось оставаться в прежней позе, закинув руки за голову. Он обошел меня со спины. Его руки принялись шарить по моим плечам и торсу. Ощупывал он тщательно: одна рука шла от плеча, через пояс, скользила по бедру и до самого голенища. Он не давил сильно, но ладонь неотступно прижималась к моим джинсам. Мне казалось, я чувствую тепло его ладони. Воздух уже пропитался ароматом одеколона. Наконец он заговорил со мной. Он спросил, почему я так поздно один брожу по дороге. Я ответил, что просто возвращаюсь домой. Я студент Мичиганского университета, машины у меня нет. Отвечал я со страхом, а потому неизбежно путался в словах. Однако он, похоже, понял мое объяснение. Он легко хлопнул меня по плечу, кивнул на стоявшую впереди патрульную машину и тут же предложил подбросить до дома. Не знаю, было то предложением или приказом. Мне оставалось лишь кивнуть в знак согласия. В машине сидел еще один полицейский, на вид лет сорока-пятидесяти, изрядно полысевший и очень тучный. Толстый офицер заметил, что в Штатах мало кто отваживается гулять по шоссе в одиночку глубокой ночью, так что мое поведение сочли подозрительным. Он также посоветовал мне впредь так не делать, поскольку это крайне небезопасно. Молодой офицер больше не произнес ни слова. И все же в зеркале заднего вида я ловил его взгляд, мерцающий в темноте. На машине ехать куда быстрее, чем идти пешком: не прошло и пяти минут, как патрульное авто остановилось у моего дома. Спустя десять минут я уже лежал на собственной кровати в подвале. Поначалу казалось, что с такой усталостью я вырублюсь мгновенно. Однако я никак не ожидал, что эта ночь пройдет без сна. Умиротворяющая кассета куда-то подевалась после переезда. Видимо, дело было в духоте. В душе то и дело поднималось беспокойство. Ноги слегка покалывало, особенно в тех местах, где к ним прикасался тот молодой полицейский. В конце концов я забрался в ванную и открыл кран. Ледяная вода хлынула из душа. Меня пробрало несколько ознобов. Хотелось заорать во весь голос, но я все же сдержался. Вытеревшись насухо, я вернулся в постель. Мысли, словно опавшие листья, бесцельно носились по воле ветра. Если бы я и вправду оказался преступником, стал бы тот молодой полицейский тайком отпускать меня? Мне стало стыдно за собственную глупость. Я вовсе не Лань, да и Хуэй мне не встречался. В этой далекой чужой стороне разве мог я столкнуться с Хуэем?

А Вэнь и впрямь принялся обучать меня вождению. Поначалу, услышав его слова, я не воспринял их всерьез. Но на следующий день он явился ко мне и со всей серьезностью заявил, что берет меня в ученики. Время для уроков вождения назначили на каждый вечер. Освободившись после смены в Чайна-тауне, он заезжал на машине в лабораторию Стива, чтобы забрать меня. Работа в лаборатории не отличалась особой тяжестью, задерживаться там до десяти вечера не было никакой нужды. Но там стоял компьютер, практически полностью находившийся в моем распоряжении. По вечерам Стив редко оставался в лаборатории для самостоятельных занятий. Возможно, в этом вообще не было постоянной необходимости. Докторанту перед выпуском требовалось лишь завершить диссертацию, посещать пары уже не нужно. Я знал график его исследований — до написания работы было еще далеко, так что, покидая лабораторию, он словно бы освобождался от всех дел. Иначе говоря, у него оставалось время на то, чем ему действительно хотелось заниматься. Ровно в пять часов вечера, неизменно покидая эти громоздкие металлические стеллажи, он с педантичной аккуратностью приглаживал свои мягкие русые волосы — так, будто спешил на свидание, словно жизнь на сегодня только-только начиналась. Вот почему с наступлением вечера лаборатория целиком переходила в мое распоряжение. В этом небольшом и слегка загроможденном помещении я чувствовал себя совершенно свободно. Здесь было куда лучше, чем в общедоступном

компьютерном классе или читальном зале: там нельзя было шуметь, да и чужие крики действовали на нервы. Здесь же можно было не оглядываться на эти условности. Я занимался здесь, делал домашние задания по разным предметам, набирал на компьютере отчеты по лабораторным. Разобравшись с делами, если оставалось свободное время, я порой выходил в интернет. Китайскоязычных сайтов тогда находилось немного. Я то и дело гадал, когда же мои товарищи на родине начнут пользоваться электронной почтой? Возможно, они уже всюду переписывались, просто я об этом не ведал. Не знаю с каких пор, но связь с ними оборвалась. Помню, как в Цинхуа я слушал два связанных с компьютерами курса. Первый назывался Культура вычислительной техники — в основном мы упражнялись в наборе текста на машинах марки 486 в подвальном компьютерном классе за главным корпусом. Второй предмет звался FORTRAN77, это был самый настоящий курс программирования, хотя проходил он на примитивной системе UNIX, где несколько экранов были подключены к устройствам, смахивающим на учебные компьютеры китайского производства. В мичиганском же инженерном институте компьютерные классы попадались на каждом шагу; они были укомплектованы скоростными персональными компьютерами, а работали под управлением новейшей Win95. Встречались и залы, сплошь заставленные рабочими станциями SUN с двадцатидюймовыми мониторами — подлинными системами UNIX. Помимо классов, компьютеры с выходом в интернет стояли в каждом офисе, в каждой библиотеке и даже в комнатах отдыха студенческих общежитий. Если подумать, с момента моего отъезда из Цинхуа прошло меньше полугода, а за полгода вряд ли произошли какие-то потрясающие изменения; выходит, компьютерное оснащение Цинхуа в любом случае шло ни в какое сравнение с местным. И все же, стоило мне услышать слово университет, перед глазами вставал тот самый замкнутый кампус с прямыми углами корпусов, светящиеся по вечерам окна общежитий и плотные ряды велосипедов у входа в третий и четвертый учебные корпуса. Основательные лабораторные корпуса инженерного института Мичигана, стены с дефицитом окон, сияющие чистотой отражающие полы в коридорах и компьютеры на каждом шагу — все это никак не вызывало у меня ощущения школы. Скорее, напоминало какую-то корпорацию, весьма развитую и передовую компанию, где все мы являемся сотрудниками: снаружи с иголочки, а на деле — просто боремся за выживание. А Вэнь неизменно отвозил меня на огромную и совершенно безлюдную парковку на территории кампуса, где мы и практиковались в вождении. Парковка находилась далеко от учебных корпусов, днем туда ходили автобусы, и пользовались ею в основном сотрудники университета, так что после окончания рабочего дня она пустела. Стоянка располагалась на самом восточном краю кампуса, мы с А Вэнем звали ее Восточной университетской парковкой, а впоследствии сокращенно — Тода. Я говорил А Вэню, что в Цинхуа тоже есть своя Тода, только не парковка, а стадион. С улыбкой А Вэнь отвечал, что Тода, должно быть, самое дорогое для меня место в альма-матер. Я недоверчиво приподнял брови. Он пояснил, что для него любимым местом всегда был стадион родного университета: только там он чувствовал себя по-настоящему счастливым, выкладывался на полную и не испытывал никакого давления. Любимым видом спорта он назвал футбол. Я вдруг сообразил, что толком не знаю, в каком университете учился А Вэнь. Не ведаю даже, на Тайване он находился или в Штатах. Спросить было как-то неловко. Я боялся, что он уже упоминал об этом, а я пропустил мимо ушей. Моя память никогда не отличалась надежностью. Я принялся выуживать из памяти впечатление о студенческом стадионе. Воспоминания оказались ко мне не слишком благосклонны. Спортom я занимался редко, особенно тяжелым, вроде футбола или баскетбола. Ни один стадион не хранил записей о моих победах.

Но в тот момент я и вправду затосковал по цинхуаской Тодe. Мы с Вэй однажды прогуливались там в перерывах между вечерними самоподготовками. Всего один раз. Мы обсуждали промелькнувшие в темноте фигуры тех, кто совершал вечернюю пробежку. Походка одного бегуна выглядела особенно странно, и мы нарочно задержались у беговой дорожки. Когда

человек приблизился, стало понятно, что он тренирует спортивную ходьбу. Пожилая Тойота под моим управлением покачивалась, нарезая круги по Тоду. Машина комично кренилась на поворотах, и я невольно вспомнил причудливую фигурку спортсмена-ходока в ночной тьме. Оказалось, водить машину куда сложнее, чем кажется на первый взгляд. Фонари на парковке Тоды светили вовсе не тускло. Вот только установлены они были слишком высоко, отчего возникало ощущение зыбкости. Это чувство лишь усиливалось окружавшей тишиной и непроглядной тьмой: Тода и впрямь затерялась на отшибе, кругом раскинулись густые заросли кустарника, и огней университетского кампуса отсюда было не разглядеть. Свет фонаря падал через стекло на молочно-белую рубашку А Вэня, отражаясь легким синеватым отблеском. Стояла сильная жара, и он уже скинул галстук с жилетом. Вскоре стало невтерпёж и в рубашке. Все его футболки казались какими-то тесными, треща по швам на атлетичном теле. По развитым мускулам сразу было видно, что спортом он занимался с малых лет. Черные брюки сидели на нем чуть ли не в обтяжку, плотно облекая талию и бедра, что вновь заставило меня вспомнить того ночного молодого полицейского, проводившего мне обыск. В салоне витал запах Чайна-тауна. Это был совершенно иной аромат, нежели одеколон. И тем не менее, в определенные моменты и в определенных ситуациях он производил схожий с одеколоном эффект, так же будоража мужское... воображение. А может, речь шла всего лишь об аппетите. Я уже давным-давно не ел стряпню из Чайна-тауна. А Вэнь не назовешь строгим учителем. Ну а я, само собой, не был примерным учеником. Пожалуй, у меня имелись все основания для волнения перед практическим экзаменом — чем ближе подходила дата, тем сильнее натягивались нервы. Правила сдачи вождения в каждом штате США различались, но мичиганские требования никак нельзя было назвать суровыми: под надзором клерка из департамента штата намотать пару кругов по жилому кварталу, припарковаться у обочины, проехать по местной дороге с чуть более высокой разрешенной скоростью — на этом все и заканчивалось, даже выезжать на скоростное шоссе не требовалось. Доводилось слышать, будто в некоторых штатах экзаменационные правила предельно заморочены: там требуют сдавать задний ход, параллельную парковку, и без автострады тоже не обходится. Однако еще больше меня пугали слухи о том, что вскоре в Мичигане введут похожую систему. При моих способностях стоило поторопиться и получить права до изменения правил. В день дорожного экзамена я был предельно осторожен. Экзаменатор же выглядела на редкость безучастной: зевая, она позволила мне сделать небольшой кружок по тихим улочкам, после чего велела возвращаться к зданию департамента. Я уж подумал, что совершил какую-то фатальную ошибку, напугав женщину до смерти, и та решила прекратить экзамен досрочно. Но ведь я честно останавливался перед каждым знаком STOP, не пересекая белую линию ни на дюйм. К тому же я строго держал скорость в пределах двадцати-двадцати пяти миль в час. Мы кружили исключительно по жилому району, у меня попросту не было шанса выехать на дорогу с более высоким скоростным лимитом. От этих мыслей я окончательно раскис. А она между тем с самым невозмутимым видом сообщила, что экзамен успешно сдан. Кажется, мне просто повезло. Радости не было предела. Пока я сдавал вождение, А Вэнь ждал в департаменте. Увидев, как быстро мы вернулись, по его лицу можно было подумать, что он уже готов меня утешать. Я тут же бросился докладывать благую весть. Выглядел он так, будто радовался больше меня самого. Он поинтересовался моими впечатлениями, а я ответил, что счастлив, будто мы по-прежнему остаемся друзьями. Он удивленно вскинул брови, и я поспешно пояснил: слышал от людей, что во время уроков вождения многие семейные пары портят отношения. Мы же от начала и до конца получали от процесса удовольствие. Истинные причины этого удовольствия я прекрасно понимал — А Вэнь и не собирался выступать в роли сурового наставника. Он никогда меня не ругал. Обладая здравым смыслом, я понимал: в деле обучения вождению моя бестолковость не уступала ничьей другой. Дважды я путал педаль газа с тормозом. По счастью, это не привело к дурным последствиям. Услышав мое объяснение, он слегка покраснел щеками. Я вовсе не собирался сравнивать нас с мужем и женой. Фраза вылетела сама собой, без всяких задних мыслей. Я поспешно выдавил из себя

неестественный смешок. Наверное, прозвучало это донельзя неловко. Покинув автоинспекцию, мы отправились обедать в ближайший Макдоналдс. Я редко питался в заведениях общепита, в том числе и в фастфуде. Но сегодня делалось исключение: мы праздновали победу. Отмечали тот факт, что бестолковый студент вроде меня наконец раздобыл права.

Права наконец получены. Первый урок, необходимый для жизни в Штатах, пройден. И все же денег у меня не водилось, так что оставалось лишь гадать, через сколько лет я обзаведусь собственной машиной. Дела в этом Макдоналдсе шли неважно. Несмотря на обеденное время, посетителей почти не было. Полный чернокожий паренек лениво возил шваброй по полу, а другой подросток, высокий блондин в наушниках, время от времени скучающе бросал взгляд на висевший на стене телевизор в ожидании клиентов для автовыдачи. Оживлением здесь и не пахло — совсем не то что в пекинском Макдоналдсе на Ванфуцзине. Мы с А Вэнем заняли маленький столик в углу. Прошло совсем немного времени, и перед нами остались лишь две желтые бумажные обертки, сальная пустая красная коробка из-под картошки фри да два полупустых стакана с Мириной. Я тихонько срыгнул, и носоглотку тут же залил вкус соленых огурцов, кетчупа и апельсиновой газировки. Полуденное солнце падало через стекло на мое плечо, клоня в сон. А Вэнь заговорил неожиданно. Он предложил мне с завтрашнего дня ездить с ним, а если мне неловко, то я могу сам сесть за руль и работать его водителем. Я с улыбкой кивнул, хотя в мыслях ничего подобного не планировал. Я и так задолжал ему слишком многим, навешивать на себя новые долги не хотелось. Возивший швабру пухлый чернокожий парень кое-как проковылял мимо нашего столика. Он неловко согнулся, всем видом показывая, как тяжело ему дается работа. Пару минут назад, насколько я помнил, он маялся от безделья. Я поднял голову и огляделся. Из-за стойки выглянул мужчина средних лет в синей рубашке и черном галстуке, смахивающий на менеджера. Паренек в наушниках что-то бормотал в микрофон. На экране телевизора над его головой возник большой джип. Сама по себе машина выглядела заурядно, но из-за четырех огромных колес казалась просто гигантской. Я перевел взгляд на А Вэня. Он тоже смотрел на меня. Босс пожаловал. Наши взгляды встретились. Внутри меня вдруг шевельнулось беспокойство, показалось, что непременно нужно что-то сказать. Должно быть, да. Нарядился-то как смешно, — поспешно откликнулся он. С чего это смешно? Ну, то, как он вырядился в галстук. Seriously? Впрочем, тебе галстук очень к лицу. Я вовсе не собирался делать А Вэню комплимент. В голове промелькнул образ его формы из Чайна-тауна, и слова сорвались с языка сами собой. Когда это я носил галстук? Ты о форме из Чайна-тауна? Тебе нравилось, как я в ней выгляжу? — в его вопросе проскользнули двусмысленные нотки. Я поспешно сменил тему: Ему наверняка жутко весело. Я подмигнул А Вэню. Кому? Тому парню в наушниках. Появился шеф, есть клиенты, не придется скучать. Он тоже не промах, разве не нашел себе дело? — А Вэнь скосил глаза на уборщика. Разве он умен? А движения не слишком размашистые? Боюсь, как бы штаны по швам не треснули. И то верно! Задница и вправду огромная с непривычки. Где это мы, желтокожие, видали такие задницы странной формы, похожие на грушу? Ха-ха! А Вэнь рассмеялся, и я последовал его примеру, заливаясь безудержным смехом. Мы всю предавались расистским насмешкам над чужой расой. Впрочем, как вообще определить чужаков? По цвету кожи? Если бы в целом мире остались только мы с А Вэнем, исчезло бы из нашей жизни разделение на своих и чужих?